

Книги Питера Мейла

Год в Провансе

•

Прованс навсегда

•

Франция:

Сладкая жизнь

•

Отель «Пастис»

•

По следу Сезанна

•

Еще один год в Провансе

•

Франция:

Путешествие с вилкой и штопором

•

Хороший год

•

Марсельская авантюра

•

Корсиканская авантюра

ПИТЕР МЕЙЛ

*Еще один
год в Провансе*

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М 45

Peter Mayle
ENCORE PROVENCE
Copyright © 1999 Escargot Productions Ltd.
All rights reserved

Перевод с английского Юрия Балаяна

Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-11240-7

© Ю. А. Балаян, перевод, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Вторые впечатления

Полагаю, различия между Старым и Новым Светом, культурные и всевозможные иные, весьма неплохо выявляет и подчеркивает сцена насилия индивида над своим нижним бельем.

Тихим прохладным утром в начале зимы по деревне разносился шум мощной водяной струи, вырывающейся из шланга под значительным давлением. Приблизившись к источнику звука, через невысокую садовую стену можно было рассмотреть натянутую во дворе веревку, увешанную упомянутыми выше предметами интимного мужского гардероба чуть ли не всех цветов радуги. Тряпье дергалось на веревке, как мишени в ярмарочном стрелковом тире. Стрелок в теплых шапке, шарфе и войлочных сапогах стоял перед веревкой в позе агрессора, для устойчивости расставив ноги, стрелял от бедра, как любой уважающий себя солдат из телевизионного боевика. Подштанникам можно было лишь посочувствовать.

Недели не прошло, как мы с женой вернулись в Прованс после четырехлетнего отсутствия. Большую часть этих четырех лет мы провели в Америке, где гораздо меньше рисковали оказаться невежливыми или неточными, допустить социальный ляпсус либо — о ужас! — попасть впросак в «половом вопросе». Не надо было лихорадочно решать, обращаться к собеседнику на «ты» или на «вы», не приходилось гадать, а то

и словарь листать, чтобы выяснить, мужского или женского рода слова «персик» либо «аспирин». С некоторой натяжкой можно все же допустить, что в Америке разговаривают по-английски. Однако в этом заокеанском английском произрастают все более цветастые конструкции. Один из наших знакомых ниже среднего росточка заявлял, что он не ростом мал, а у него «проблемы по вертикали». Час, добрые старые шестьдесят минут, приобрел «верх» и «низ»; из комнаты там никто не выходит, все «покидают помещение». Политики более не гадают, но «интуитируют», экономика идет вразнос, как двигатель без нагрузки. «Надо надеяться» употребляется повсеместно и так же часто, как в добрые старые времена некоторые нерешительные индивиды мямлили «э-э...». Всякого рода общественные авторитеты не меняют убеждений, как во всем остальном мире, но производят «тактическую рекалিবрацию». Эти кошмары проникают в повседневный язык из юридического жаргона и отражают превращение судебного сутяжничества в своеобразный национальный спорт номер один. Чего стоит пролезший в словари «сюрплюсаж», означающий бывший «переизбыток». Авторитетные американцы, которых любит цитировать репортерская братия, не удовлетворяются окончанием чего-либо, они непременно «достигают завершения». Остается дожидаться, пока в недалеком будущем официант в ресторане поинтересуется: «Вы достигли завершения в освоении салата?» Разумеется, это произойдет уже после того, когда я «достигну завершения» «обзорного курса» по меню заведения.

Встретились мы в Америке с «аутстером», хотя его родственнику-антиподу «инстеру» повезло больше, о нем мы не слыхивали. Пришлось оставить устаревшую привычку сосредоточиваться на чем-либо, теперь мы «концентрируемся» либо «фокусируемся». Каждый день преподносил нам волнующий сюрприз. Век живи, век учись! Но все эти сюрпризы не меняли нашего

ощущения, что мы варимся в родной языковой среде и потому должны чувствовать себя как дома.

Дома мы себя там, однако, так и не почувствовали, и вовсе не потому, что к нам враждебно относились. Почти все встреченные оправдывали репутацию американцев как людей в высшей степени щедрых и доброжелательных. Поселились мы под Ист-Хэмптоном, на дальней оконечности Лонг-Айленда, месте в течение девяти месяцев в году тихом и живописном. Мы купались в комфорте Америки, радовались ее многообразию, усвоили туземные привычки. Познакомились с калифорнийскими винами, покупали по телефону, научились не дергаться за рулем. Принимали витамины и иногда вспоминали, что надо чаще повторять слово «холестерол». Пытались наслаждаться телевидением. Я перестал брать с собой в ресторан сигары, приучился курить втихаря, дома. Одно время мы даже пытались выпивать по восемь стаканов воды в день. Короче, старались американизироваться.

И все же чего-то не доставало. И не просто чего-то, а целого спектра видов, звуков, запахов, вкусов — впечатлений, к которым мы привыкли в Провансе. Вспоминались аромат полей, утренняя толчея на воскресных рынках... Редко удавалось американским влияниям подавить эту ностальгию.

Возвращение в места былого счастья принято считать шагом неразумным. Память полагают пристрастным судьей, сентиментальным редактором, что-то вымарывающим, что-то припудривающим. Подсвеченные розовым, события былого искажаются, плохое может забыться, остается соблазнительный блеск, смех друзей. Вернутся ли прежние ощущения?

Проверить можно лишь одним способом.

Для каждого прибывшего во Францию из Америки первое шокирующее впечатление — разница в характере уличного движения. Эту разницу мы заметили

сразу же, как только покинули аэропорт. Нас поглотило хаотичное метание колесных средств передвижения. Казалось, множеством мелких автомобильчиков управляли удиравшие от полиции грабители банков. Мы быстро вспомнили, что француз за рулем воспринимает чужой багажник перед капотом своего автомобиля как личное оскорбление и всеми силами стремится обогнать, восстановить справедливость. С любой стороны, на слепом повороте, при переключении светофора — не важно. Верхний предел скорости в восемьдесят миль в час считается нетерпимым ограничением свободы личности, французы предоставляют соблюдать его иностранным туристам.

Это бы еще полбеды, если б как человеческая, так и механическая составляющие транспортного средства отвечали требованиям, к ним предъявляемым. Но, видя, как очередной крохотный «рено», едва касаясь асфальта покрывками, огибает тебя слева, справа — только что не сверху, — невольно вспоминаешь, что малолитражки вовсе не проектировались для преодоления звукового барьера. Еще меньше уверенности в завтрашнем дне ощущаешь, когда замечаешь, что происходит за рулем этого «рено». Общеизвестно, что француз не может связать двух фраз без помощи рук. Многозначительно поднимаются пальцы, ладони взлетают вверх, подчеркивая возмущение. Оркестром речи нужно дирижировать. Можно с интересом наблюдать за беседой двух французов в баре, но, когда такое происходит на скорости в девяносто миль в час, сердце замирает.

С гигантским облегчением сворачиваешь наконец на местные дороги, где можно ползти с быстротой трактора, успевая воспринять кое-какие из графических деталей, дополняющих пейзаж. Еще в первое мое посещение Прованса полюбились мне выцветшие приглашения отведать аперитива, шоколада или органи-

ческого удобрения, начертанные на стенах амбаров и одиноких деревенских домишек-сараяшек, *cabanons*. Краска облупилась, охра, зелень и голубизна выгорели под солнцем семи-восьми десятков жарких лет...

С течением времени появлялось все больше новых призывов и оповещений, вплоть до современных. Числом они подавляют старые, намного уступая им в живописности. Города и деревни часто сообщают два своих имени, одно из них в старом прованском написании. Менерб дублируется как Менербо, Авиньон как Авиньюн, Экс-ан-Прованс как Экс-ан-Прувансо. И это только начало. Если местные патриоты не ослабят активности, вскоре и такие дорожные знаки, как «радарный контроль скорости», «низколетящие самолеты» и даже «дом Биг-Мака», адаптируются к языку певца Прованса Фредерика Мистрала.

Знаков, вывесок, афиш — тьма. Информационные, просвещающие, убеждающие, уговаривающие; приколотые к деревьям, торчащие на шестах по краю поля, прикрепленные к заборам, нанесенные на бетон... Предлагающие посетить винные *caves*¹, вкусить меду, насладиться лавандовым или оливковым маслом; вывески ресторанов и агентов недвижимости. Большинство приглашают. Но есть и предупреждающие о свирепых собаках, а одно — мое любимое — особенно кровавадно. Я увидел его меж холмов на стволе дерева рядом с тропой, ведущей в чащу, по всем внешним признакам необитаемую. Оно гласило буквально следующее: *Tout contrevenant sera abattu, les survivants poursuivis*. В примерном переводе это означает, что разрушителей пристрелят, а кого недострелят до смерти, привлекут к ответственности. Хочется надеяться, что у автора развито чувство юмора.

Еще одного типа объявление, пожалуй, ни в одной другой стране мира не встретишь, кроме Франции.

¹ Погреба (фр.).

Можете полюбоваться им в Сен-Тропе, на площади де Лисе, где раз в неделю функционирует рынок. К ограждению привинчена эмалевая табличка, сообщающая прохожим ясно и недвусмысленно, что в данном месте и поблизости останавливаться и облегчаться категорически возбраняется. Вряд ли такое могло появиться в Ист-Хэмптоне, городе благовоспитанных и дисциплинированных мочевых пузырей.

Такого рода объявление уместно во Франции ввиду склонности французов к импровизации в части мочевого выделения. Почуввав зов природы, иной француз тут же на него откликается независимо от того, где он в данный момент находится. В городах и городках сотни укромных уголков, вне поселений тысячи квадратных миль территории и миллионы кустиков, обеспечивающих комфорт и уединение для *le pipi rustique* на лоне природы. Но, судя по моим наблюдениям, интимность процесса — последнее, что интересует француза. Он может вырисовываться на диком утесе на фоне лазурного неба, подобный гордому оленю, может выскочить из-за баранки на обочину, пристроиться вплотную к проезжей части так близко, что приходится отворачивать, чтобы его не задеть. Мужчина занят мужским делом, не мешайте. И стесняться ему нечего. Если вам доведется при этом встретиться с ним взглядом, он, пожалуй, вежливо кивнет. Вероятнее всего, однако, глаза его будут устремлены ввысь, к небесам; туда же, к божественному, вознесутся и его мысли.

По счастью, в наиболее посещаемых местах такого рода запрещающие таблички нетипичны. Вежливость во Франции бросается в глаза. Не обязательно дружелюбие, но всегда благовоспитанность. Выйдя утром за покупками, на каждом шагу получаешь мелкие, но приятные признания факта своего существования. В других странах это вовсе не правило. В Англии, к примеру, многие продавцы тебя в упор не видят, возможно, потому, что вы не представлены им по всей

форме. В Америке, стране вопиюще неформальной, чаще всего впадают в противоположную крайность: покупателю приходится отвечать на дружелюбные вопросы о здоровье, о том, как делишки, а там, если вовремя не увернуться, последуют вопросы о родне, предках и потомках, замечания по поводу одежды и странностей произношения. Французы, как мне кажется, нашли золотую середину между этими крайностями.

Помогает и весьма обходительный язык, в изящной форме подающий самые вульгарные темы. Нет, *Monsieur*, вы вовсе не вели себя за столом по-свински, вы просто страдали от *crise de foie*, у вас печень взыграла. А звуки, исходящие от того господина в уголке, вызваны не метеоризмом, это слышится *piano des pauvres*, пианино бедняков. Если же разросшееся брюхо грозит выстрелить пуговицами вашей рубашки, это всего лишь *bonne brioche*, сдобная булочка. А чего стоит эlegantный перевод классического вестерна!

КОВБОЙ: Стопарь сивухи, кореш, живо!

СУБТИТР: Бокал дюбонне, официант, прошу вас...

Неудивительно, что французский на протяжении столетий оставался языком дипломатии.

И остается языком гастрономии. Разумеется, в стране, в которой у тебя все время сохраняется ощущение, что ты опаздываешь на завтрак, ланч или обед — во всяком случае, на дорогах, — ожидаешь наглядного подтверждения жертвоприношения национальному аппетиту. Ищешь взглядом здоровую плоть, людей-«мишленов», катящих свои телесные массы от трапезы к трапезе. И не находишь. По крайней мере, в Провансе. Встречаются, разумеется, и супероплывшие мастодонты, но на удивление редко. Подавляющее большинство мужчин и женщин, попадавших в поле моего зрения, отличались неправдоподобными стройностью, подтянутостью и изяществом. Объяснения озадаченных

чужестранцев сводились к тому, что действует генетика, мол, обмен веществ у французов ускоряется в результате интенсивного потребления кофе и политических эскапад государственного и локального уровня. Пожалуй, дело все же не в том, *что* они едят и пьют, а в том, *как* они это делают.

Французы ничего не перехватывают на ходу. Конечно, француз может отломить горбушку теплого багета (а кто устоит?) и сунуть ее в рот, еще не покинув *boulangerie*¹. И это все, больше ничего на ходу он жевать не станет. А чего только не поглощают топающие по городским тротуарам американцы! Пицца, хот-доги, начос, такос, бесчисленные сэндвичи — исполинские и поскромнее, картофельные чипсы и палочки; глотают из громадных пластиковых стаканов кофе, выдувают полугаллонные ведра коки (диетической, о чем речь!) и бог весть что еще, все это на ходу, а иной раз и на пути в гимнастический зал.

Воздержание между регулярными приемами пищи вознаграждается, когда француз прибывает к столу. Вот тут-то представители других наций и даются диву. Как можно умять две капитальные трапезы в день и не превратиться в гишпопотама или не запрудить кровеносные сосуды холестерином? Французские порции могут быть относительно невелики, но их число! Здешние блюда повседневного рациона ужаснут врачей в Штатах. Тающие во рту *rillettes*², *pâté*³ с арманьяком, грибы в сливочном соусе, картофель, зажаренный в утином жире... А ведь это всего лишь подготовка к главному блюду. За которым, естественно, следует сыр. Немного, совсем чуть-чуть — чтобы оставить место для десерта.

¹ Булочная (фр.).

² Мелко рубленная и жаренная в сале свинина (фр.).

³ Паштет (фр.).

А кто же воздержится от стакана-другого вина ради довольства желудка? Несколько лет назад искатели гастрономических откровений обнаружили то, что французам известно испокон веков. Мудрые диетологи провозгласили, что немного красного вина никому не повредит, и даже наоборот. Некоторые из них отважились на большее. Стремясь объяснить то, что получило название «французский парадокс», они заметили, что французы пьют в десять раз больше вина, чем американцы. *Voilà!* Парадокс разъяснен. Вино, стало быть, поддерживает французов в добром здравии и сообщает им завидную стройность.

Мне хотелось бы верить, что все объясняется столь просто, но подозреваю, на желудок француза влияют менее драматические факторы. Совершенно антинаучно предполагаю, что меню француза содержит меньше всяческих улучшающих добавок, консервантов, красителей и иной прогрессивной высококачественной химии, на которую так падки в Штатах. Осмелюсь допустить, что лучше принимать пищу, сидя за обеденным столом, а не скрючившись над рабочим столом, пристроившись к стойке, а то и — сплошь и рядом! — за рулем. Считаю также, что спешка при еде испортила больше пищеварительных систем, чем *foie gras*¹. Не так давно в окнах нью-йоркских ресторанов появились клятвенные заверения, что занятой бизнесмен с гарантией управится у них с ланчем за полчаса, умудрившись таким образом в течение часа проконтактировать с двумя партнерами. Готов съесть вместо ланча свой мобильник, если это не рецепт к приобретению повышенного давления и язвы желудка.

Заведомо очевидно, что время в Провансе не обожествляется в такой степени, как в иных, более взбодраженных частях планеты. Мне для осознания этого

¹ Гусиная печень (фр.).

факта потребовалась неделя, после чего я снял с запястья свои наручные часы и засунул их в ящик комода. Но если времени не придают здесь особого значения в смысле пунктуальности, то оно ценится высоко в смысле наслаждения моментом. В часы еды, беседы на углу квартала, игры в *boules*¹. При отборе цветов, составлении букета. Чтобы в кафе со вкусом посидеть. Маленькие радости отнимают много времени. Иногда сие вызывает раздражение у наблюдателя, чаще приводит в восхищение и в любом случае действует заразительно. Уяснил я это, когда вышел из дому по делу, требующему не более четверти часа, а вернулся через два с половиной. Ничего важного в эту пору я не совершил, но наслаждался каждой минутой прожитого периода.

Возможно, неспешностью жизни объясняется бодрость местного характера. Французы отнюдь не славятся беспричинной веселостью, скорее наоборот. Многие иностранцы склонны судить о характере нации по опыту знакомства с постной физиономией парижского официанта, не подозревая, что он столь же мрачен и недоброжелателен и к соотечественникам, возможно, и к собственным жене и кошке, сколь и к туристу. Но переместитесь к югу, и вы поразитесь метаморфозе. Атмосфера напитана юмором, несмотря на очевидные сложности социального плана — высокий уровень безработицы, финансовые удавки французской налоговой системы с ее неоправданно высоким подоходным налогом.

Реакцией на эти проблемы может послужить решение оставить их позади. Газеты полны сообщениями о молодых французских предпринимателях, покидающих Париж, чтобы воспользоваться преимуществами экономического подъема в Англии. Но если эта тенденция и существует в Провансе, в глаза она не бросает-

¹ Шары (*фр.*).

ся. Каждый согласен, что времена не лучшие, каждый надеется, что новый день чем-нибудь порадует. А пока что выручает философия пожимания плечами.

Неплохая философия, ее стоит усвоить и приезжему, ибо жизнь в Провансе полна чудес, порой необъяснимых, а национальный причудливый гений никогда не удаляется надолго. Какая-то необъяснимая логика, вероятно, существует в его поступках, но умом ее не постичь, аршином общим не измерить. Наглядный пример — деревенская мусорная свалка. Она разумно размещена, регулярно очищается, предназначена для приема всевозможного бытового мусора, только что не отбегавшего свой срок автомобиля. Кажется, ничего здесь не улучшить. Но бросается в глаза вывеска над мусорными контейнерами, которую можно перевести следующим образом: *Крупногабаритные предметы принимаются на второй день после последней среды каждого месяца.*

Заметив ее впервые, я на некоторое время застыл на месте, полагая, что неправильно прочел, неверно понял, что подвел меня мой корявый французский. *На второй день после последней среды каждого месяца...* А почему не в последнюю пятницу каждого месяца? Какое-нибудь умствование верхов? Идиотская казуистика брюссельских бюрократов? Может, они додумаются сменить название пятницы на что-нибудь более функциональное и с политической точки зрения более захватывающее? В целях усвоения бюджета и прославления своей политической динамичности. Как раз двухтысячный год на подходе, надо же отметить какими-то эпохальными преобразованиями... Пока я предавался размышлениям, подкатил небольшой фургончик, из него вышел водитель и присоединился ко мне, созерцая эту же табличку. Он посмотрел на меня. Я посмотрел на него. Он снова перевел взгляд на мудреную надпись, покачал головой и пожал плечами.

Вывеску эту вскоре убрали. Мне сказали, что никто на нее внимания не обращал, все выбрасывали старые холодильники, велосипеды, телевизоры, когда удобнее, не придавая значения инструкции. Французское пристрастие ко всякого рода вывескам компенсируется способностью французов эти вывески игнорировать.

С этой способностью неплохо сочетается другая национальная черта: стремление удержать свои деньги как можно дальше от алчных конечностей администрации. Оба упомянутых качества проявляют проблему парковки. В каждом городе Прованса имеются площадки, на которых вы можете оставить автомобиль вне проезжей части. Эти автостоянки четко обозначены, их легко найти, но мало кто ими пользуется. На улицах же творится нечто невообразимое. Автомобили взбираются двумя колесами на тротуар, втискиваются в узкие проходы, так что между бортами и стенами остаются считанные миллиметры. То и дело случаются заторы, требующие навыков фигурного вождения, чтобы из них выбраться. Вспыхивают споры, гудят клаксоны, и все из-за чего? Из-за того, что муниципалы имеют наглость протянуть руки загребушие к пяти франкам в час за пользование официальной стоянкой.

Но, как подробно разъяснил мне мой приятель Мартин, постоянно пристраивающий свой автомобиль в самых невообразимых местах, дело не столько в деньгах, сколько в принципах. Платная стоянка, *le parking payant*, — оскорбление национальной гордости и морали, нетерпимое явление, которому следует оказывать противодействие. Даже если ради этого придется полчаса колесить по городу, чтобы обнаружить место, куда приткнуться. Время-то бесплатное. Однажды я наблюдал, как некий предприимчивый господин загонял свой небольшой «пежо» в витрину выпотрошенного перед началом ремонта магазина. Завершив про-

цедуру и собираясь отправиться к месту назначения, он обернулся и с явным удовлетворением оценил, насколько четко вписалась его малолитражка в проем. Человек и машина, объединившись, одержали, судя по его сияющей физиономии, значимую победу, покорили еще одну вершину жизненной горной гряды.

С моей точки зрения, детали повседневности определяют стиль жизни Прованса не в меньшей степени, чем история и ландшафт. Если вдуматься, каких моментов из жизни этой части Франции мне более всего не доставало в Штатах, пожалуй, стоит назвать обычный сельский рынок. Ничего особенного, лотки, палатки, будки, еженедельно сбегаящиеся на одну из площадей городов и местечек от Апта до Вэзон-ля-Ромэна.

Эти рынки мгновенно притягивают взгляд, зачаровывают своим многоцветием, обилием фруктов и овощей, рукописными вывесками и ценниками. Лотки пристраиваются к старым платанам, к еще более древним каменным стенам, как будто предлагая себя для съемки фотографу-любителю. Они кажутся летним украшением города, однако на зиму их никто не убирает на склад реквизита, в январе здесь так же оживленно, как и в августе, круглый год они предлагают хлеб и масло местных поставщиков. Турист здесь явление мимолетное и незаметное, лишь еще одна ложечка джема на внушительный деревенский бутерброд. Хотя и желанное.

Продавцы и покупатели друг другу не чужие, акт покупки сопровождается оживленным общением. Новые зубные протезы старины Жан-Клода сияют в улыбке, он обстоятельно выбирает подходящий к зубам сорт сыра. Бри — слишком вязкий. Мимолет слишком твердый. Лучше взять бофор, пока зубы не притерлись. Мадам Дальмассо погружена в сомнения. Причина — помидоры. Для местных слишком рано.

Значит, привозные. Откуда? Почему место рождения не обозначено на ценнике? После ощупывания, обнюхивания, поджимания губ мадам Дальмассо решается отбросить сомнения и приобрести полкило. Бородастый продавец возвращается к своему прилавку со стаканом *rosé* в одной руке и бутылочкой детского питания в другой. Детское питание предназначено для усыновленного бородачом крохотного кабанчика, *sanglier*, почуявшего молоко и беспокойно дергающего черным рыльцем. Цветочница отсчитывает моей жене сдачу, после чего ныряет под прилавок, вытаскивает два только что отложенных яйца, художественно заворачивает их в старую газету. На другой стороне площади постепенно заполняются столики перед кафе. Шипение и бряканье кофеварки-эспрессо перекрывает бодрый голос диктора «Радио Монте-Карло», захлебывающегося новостями об очередном состязании. Где они берут этих уникалов, которым не нужно прерывать поток речи, чтобы втянуть воздух в легкие? Четыре старика спокойно сидят на невысоком каменном пристенке, ждут закрытия рынка. Когда площадь опустеет, они смогут сыграть в *boules*. Рядом с ними пристроился пес, сидит так же терпеливо и спокойно. Нахлобучь ему на голову плоскую *chapeau*¹, и, пожалуй, не отличишь его, столь же терпеливого и морщинистого, от соседей.

Продавцы начинают сворачивать торговлю, в воздухе повисает предвкушение. Пришло время перекусить, и, разумеется, на свежем воздухе, погода сегодня отменная.

Наше пребывание по ту сторону Атлантики повлекло за собой два нежелательных для нас следствия. Первое — нас полагали знатоками всего заокеанского,

¹ Шляпа (*фр.*).

то и дело обращались за консультациями, разъяснениями и толкованиями всего, что происходит в Вашингтоне и Голливуде. Сейчас различить эти два места становится все труднее. Почему-то считалось, что мы закадычные друзья кинознаменитостей и политиков. Второе — на нас возлагали ответственность за распространение тлетворного американского влияния, так что мсье Фаригуль то и дело припирает нас к стенке указующим перстом и укоряющим взглядом.

Мсье Фаригуль считал себя заступником чистоты французской культуры, в особенности языка. Он мог вскипеть от любого словца или реалии, начиная от *le fast-food* и кончая *les casquettes de baseball*¹, появляющихся на прежде лишенных головных уборов французских головах. Но в этот осенний день его беспокоило нечто более серьезное. Я сразу заметил это, как только он соскочил с табурета у стойки бара и припер меня к стенке.

— *C'est un scandale!*² — Так он приступил к своей филиппике против губительного влияния заокеанского импорта на деликатную материю французской сельской жизни.

Фаригуль ростом невелик, почти миниатюрен; когда взбудоражен, то и дело подпрыгивает, настолько переполняют его эмоции. Просто сгусток энергии. Будь он собакой, то непременно терьером. Я осведомился, в чем причина его возмущения, пытаюсь уследить за его прыжками, мотая головой вверх-вниз.

— *Алёуинь! Алёуинь!* — выкрикнул он. — Нам это надо? Страна, давшая миру Вольтера, Расина, Мольера, страна, отдавшая американцам Луизиану... И что они дают нам взамен? *Алёуинь!*

Я так и не понял, о чем речь, но, судя по его тону, по распиравшим его эмоциям, речь шла о катастрофе

¹ Бейсболки (фр.).

² Возмутительно! (фр.)

Мейл П.

М 45 Еще один год в Провансе : роман / Питер Мейл ; пер. с англ. Ю. Балаяна. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 224 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-11240-7

За две-три недели в Провансе вы насладитесь теплом и солнцем, увидите виноградники и прославленные оливковые сады, побродите по местным рынкам, вдоволь надышитесь чистым деревенским воздухом... Но если вам захочется узнать о Провансе немного больше, то книга Питера Мейла окажется как нельзя кстати. «Еще один год в Провансе» написан спустя одиннадцать лет после «Года в Провансе», первой книги Мейла о французской провинции, ставшей международным бестселлером. В книге «Еще один год...» автор делится с читателем своими новыми впечатлениями и весьма ценными сведениями. С любовью и юмором рассказывает о тонкостях выбора провансальского вина, хлеба, сыра, оливкового масла и черных трюфелей. Рассуждает о пользе сиесты и великолепного фуа-гра, паштета из гусиной печени. Уверенно развенчивает миф о вреде жира и открывает секреты долголетия мадам Кальман, прожившей 122 года и ставшей символом живой атмосферы Прованса. За одиннадцать лет, конечно, Прованс изменился, но покой и тишина, столь редкие в современном мире, здесь все еще не являются дефицитом, уверен Питер Мейл.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ПИТЕР МЕЙЛ
ЕЩЕ ОДИН ГОД В ПРОВАНСЕ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Ксения Казак, Лариса Ершова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 11.01.2022. Формат издания $75 \times 100 \frac{1}{32}$.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 9,87. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА® —
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в АО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaomprk.ru
Тел.: (495) 748-04-67, (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-MBB-19269-06-R